

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 2, pp. 293–312, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 353(47):5(091)

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-293-312

Традиционные институты публичной власти на монгольских землях имперского и республиканского Китая на сломе эпох (первая четверть XX в.): пространственная локализация и визуализация

Павел Николаевич Дудин¹, Андрей Николаевич Бешенцев², Кирилл Юрьевич Базаров³

¹ Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (д. 40В, стр. 1, ул. Ключевская, 670013 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, доцент, директор Центра
 0000-0002-9407-8436. E-mail: dudin2pavel@gmail.com

² Байкальский институт природопользования Сибирского отделения Российской академии наук (д. 8, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор географических наук, профессор, профессор Российской академии наук, заведующий
 0000-0003-3625-3600. E-mail: abesh@binm.ru

³ Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук (д. 7, ул. Радио, 690041 Владивосток, Российская Федерация)
научный сотрудник Информационно-картографического центра
 0000-0001-7308-7096. E-mail: kbazarov@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Дудин П. Н., Бешенцев А. Н., Базаров К. Ю., 2023

Аннотация. *Введение.* Целью исследования является реконструкция системы основных традиционных институтов публичной власти на монгольских землях Китая в первой четверти XX в. и описание механизма их визуализации и привязки к современному географическому пространству региона. *Задачами* исследования явились изучение институтов княжеской власти и хошунной администрации, религиозных и аймачно-сеймовых структур управления и влияния китайской колонизации на монгольские территории, а также источников, инструментов и методов пространственной локализации и визуализации территориально-властной организации монгольских земель. *Материалы* исследования составили уникальные карты 1914 и 1925 г., на которых изображены хошуны, аймаки и сеймы почти всех монгольских земель. *Методология* исследования строилась на междисциплинарном подходе, где среди исторических методов присутствуют идеографический, или описательно-повествовательный, метод, нарративный подход, принцип историзма, ретроспективный метод; политологические знания предостави-

ли возможность опереться на функциональный и поведенческий подходы, а географические методы выстраивались на схеме анализа, предложенной в исследованиях О. М. Медушевской (1957) и Л. А. Гольденберга (1958), а также на анализе степени генерализации информации. *Результаты* работы позволили сформировать представление о системе функционирования княжеской власти, составе и деятельности хошунной администрации, установить место религиозных институтов в процессе управления монгольскими землями, а изучение хошунной, аймачной и сеймовой организации обширного пространства позволило определить уровни и объем власти на каждом из них, специфику и назначение каждого территориального образования, а также визуализировать исследуемое пространство с помощью современных технологий. В *выводах* авторы указывают на эффективность сохранившейся системы управления, где ключевым звеном был и оставался хошун. Их подробная иллюстрация на картах В. И. Сурина позволяет восстановить древнюю территориальную организацию Монголии с использованием системы ГИС и предоставить к ней свободный доступ для исследователей региона.

Ключевые слова: институты публичной власти, Внешняя Монголия, Внутренняя Монголия, хошун, аймак, сейм, дзасак, китайская колонизация, цифровое покрытие, географические полигоны

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.» (№ 22-68-00054).

Для цитирования: Дудин П. Н., Бешентцев А. Н., Базаров К. Ю. Традиционные институты публичной власти на монгольских землях имперского и республиканского Китая на сломе эпох (первая четверть XX в.): пространственная локализация и визуализация // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 293–312. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-293-312

Traditional Institutions of Public Authority in Mongol-Inhabited Lands of Imperial and Republican China, 1900s–1920s: Spatial Localization and Visualization

*Pavel N. Dudin*¹, *Andrey N. Beshentsev*², *Kirill Yu. Bazarov*³

¹ East Siberia State University of Technology and Management (40B/1, Klyuchevskaya St., 1670013 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Director of Center for the Study of State and Law of East Asian Countries

 0000-0002-9407-8436. E-mail: dudin2pavel[at]gmail.com

² Baikal Institute of Nature Management, Siberian Branch of the RAS (8, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Geography), Professor (RAS), Head of Laboratory

 0000-0003-3625-3600. E-mail: abesh[at]binm.ru

³ Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch of the RAS (7, Radio St., 690041 Vladivostok, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0001-7308-7096. E-mail: kbazarov[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Dudin P. N., Beshentsev A. N., Bazarov K. Yu., 2023

Abstract. Introduction. The territorial organization of Inner Asian polities underwent significant transformations in the first quarter of the 20th century, which resulted in a need for its visualization. **Goals.** The article attempts to reconstruct the system of key public governance institutions in Mongol-inhabited lands of China in the mentioned period, and to describe tools of their visualization supposed to spot the former across present-day geographical points of the region. So, the study aims to examine

some basic institutions of princely power and *khoshun* administration, religious and *aimag*/league-level authorities, impacts of the Chinese colonization on Mongol-inhabited territories, investigate sources, tools and methods instrumental in spatial localization and visualization of territorial / governance structures across the lands. *Materials and methods.* The work focuses on two groups of sources, namely: unpublished materials from P. Dudin's doctoral thesis (manuscript) (Statehood of Inner Mongolia: Late 19th to Mid-20th Centuries) discussing public governance structures of Mongolian banners (counties); and unique maps of 1914/1925 mentioning *khoshuns*, *aimags* and leagues of almost all Mongol-inhabited domains. The research methodology rests on an interdisciplinary approach, methods of historical science to comprise the ideographic (descriptive-narrative) and retrospective ones, a narrative approach, and principles of historicism; knowledge of political science yields an opportunity to employ functional and behavioral approaches. The geographical methods involved rest on the scheme of analysis proposed in works of O. Medushevskaya (1957) and L. Goldenberg (1958), as well as on some analysis of the data generalization degree. *Results.* The work has reconstructed the early 20th-century system of key Mongolian public governance institutions, outlines how the system of princely power functioned, how *khoshun*-level administrative bodies took shape and worked, identifies the governance role of religious institutions, while insights into different levels of the administrative/territorial organization facilitates further understanding as to actual scopes of power attributed thereto, and makes it possible to visualize the investigated space with the aid of contemporary tools and techniques. *Conclusions.* The paper points to the efficiency of the then management system where it was the *khoshun* that had served — and remained — a key structural element. The latter's detailed illustrations on V. Surin's maps make it possible to restore the ancient territorial organization of Mongolia using the GIS system, free access be provided for researchers of the region.

Keywords: public authorities, Outer Mongolia, Inner Mongolia, *khoshun*, *aimag*, *league*, *jasagh*, Chinese colonization, digital coverage, geographic polygons

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 22-68-00054. Available at: <https://rscf.ru/project/22-68-00054>.

For citation: Dudin P. N., Beshentsev A. N., Bazarov K. Yu. Traditional Institutions of Public Authority in Mongol-Inhabited Lands of Imperial and Republican China, 1900s–1920s: Spatial Localization and Visualization. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 293–312. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-293-312

1. Введение

Уникальность системы управления монгольскими территориями имперского, а затем и республиканского Китая (в этом случае речь идет о Внутренней Монголии и Барге) заключалась в сохранении за представителями родовой аристократии исконных институтов власти во множестве мелких политий — хошунов, княжеств, представлявших собой и своеобразный анахронизм, и в то же время эффективный инструмент поддержания порядка, которым всегда пользовалась центральная власть в Пекине. При этом для многих исследователей одной из проблем при изучении властных институтов в Монголии на низовых уровнях, при описании пространственной локализации княжеской власти и решении подобных ака-

демических задач была слабая атмосферность повседневного процесса управления хошунами, обусловленная невозможностью опереться на какие-либо визуальные образы исследуемого явления, кроме старых фото, карт (которые непрофессиональному географу было проблематично соотнести с современной местностью) и собственного воображения.

В связи с этим перед авторами статьи и их коллегами возникла задача, располагая современными технологиями и коллекцией уникальных карт маньчжуро-монгольского пространства первой четверти XX в., визуализировать его, осуществив привязку к современной политико-географической реальности, предоставив исследователям возможность определять интересующие их

сегменты монгольских земель, располагая при этом точными данными по их географическому положению, площади, инфраструктуре, национальному составу и краткой истории развития [Бешенцев и др. 2022].

Исторический сегмент этой задачи частично решался при написании и защите диссертации П. Н. Дудина на соискание ученой степени доктора исторических наук [Дудин 2020а; Дудин 2020б], в Томе I рукописи которой на стр. 139–145 и 149–152 институтам публичной власти у монголов была посвящена часть параграфа 2.1. о китайской колонизации.

2. Материалы и методы

Использованные при работе над статьей материалы составили карты Монголии и Маньчжурии, на которых, единственных из известных, указано расположение хошунов, аймаков и сеймов вкуче с государственными и провинциальными границами. Картографический материал присутствует и в приложении к настоящей статье.

Методология исследования строилась на междисциплинарном подходе, в связи с чем мы опирались на знания трех наук: истории, политологии и географии. В первом случае был применен идеографический, или описательно-повествовательный, метод, на основе которого мы сумели создать целостную картину княжеской организации монгольских земель на излете империи Цин и в республиканский период; нарративный подход позволил обеспечить «склепку» событий, связанных с колонизацией и трансформацией и самих хошунов, и их статусов; с опорой на принцип историзма мы рассматривали организацию публичной власти на землях Внутренней Монголии как часть общей картины — публично-властной организации монгольских территорий, а ретроспективный метод нам позволил компенсировать достаточный объем источников по региону об организации хошунной, аймачной и сеймовой власти, в итоге представление об управленческой системе не отдельных, а большинства монгольских княжеств будет носить более системный характер. С опорой на политологические знания функциональный подход был направлен на выявление причинно-следственных связей между действиями тех или иных лиц или институтов, облеченных властью, и

теми последствиями, которые наступали по их результатам; в свою очередь поведенческий подход обеспечил связку шагов и мотивов тех властных лиц, которые оказались включены в этот процесс. Наконец, географические методы выстраивались на схеме анализа, предложенной в исследованиях О. М. Медушевской [Медушевская 1957] и Л. А. Гольденберга [Гольденберг 1958], а также на анализе степени генерализации информации.

Таким образом в настоящей статье мы осветим ту политическую ситуацию первой четверти XX в., в которой развивались институты публичной власти на монгольских землях, а затем дадим описание источников и механизма, с помощью которого решаем задачу визуализации пространства маньчжуро-монгольского мира в обозначенный хронологический промежуток времени.

3. Ключевые монгольские публично-властные институты в начале XX в. и их пространственная локализация и визуализация

3.1. Институт княжеской власти

Власть как социальное явление всегда имела и имеет территориальный характер, обусловленный тем пространством, которым ее институты способны эффективно управлять и которое способны контролировать. Поэтому площадь хошуна, его расположение в зоне крупных населенных пунктов, количество населения, близость к главным логистическим путям и другие подобные факторы определяли как статусное, так и материальное положение князя и его окружения, что во многом способствовало его росту в системе местного или имперского управления. Частично эти характеристики оказалось возможным визуализировать. Исходя из этого, мы сначала изучили те институты публичной власти, с помощью которых осуществлялось управление монгольскими землями, где первостепенное значение имел институт княжеской власти.

Во главе хошуна ставился князь (*дзасак*), обладающий обширными полномочиями. Эти полномочия касались как собственно гражданской власти (например, распределял пастбища между кочующими подданными), административных функций (например, распределял границы более мел-

ких территориальных образований (сомоны и баги) и регулировал проход через хошун посторонних лиц), решения военных вопросов (князь возглавлял ополчение своего хошуна), разрешения споров посредством организации и осуществления правосудия, к чему добавлялись фискальные функции по сбору податей различного уровня (общенациональных и хошунных), так и распределения между своими подданными повинностей на очередной период.

Далее мы обратимся к личности Н. Я. Коншина, поручика Заамурского округа и одного из ярких исследователей региона, писавшего в одной из своих работ: «Княжество управляется своим наследственным князем, в лице коего сосредоточивается вся безграничная власть князя включительно, до права конфискации имущества и распоряжения над жизнью и смертью каждого подданного» [Коншин 1907: 13]. Это утверждение было не вполне верным, поскольку, несмотря на соблюдаемый маньчжурами принцип ближайшего родства в определении приоритетности занятия должности дзасака, она не была наследственной, а кандидат на это высокое место всегда утверждался маньчжурским императором по представлению так называемого Ведомства (Палаты) внешних сношений (Лифаньюань) [Гурьев 1912: 38]. Далее следовало описание самого княжества, за пример организации публичной власти которого был взят Дурбет.

Дурбет не случайно выбран нами в качестве «модельной площадки»: во-первых, через него, равно как и через некоторые соседние княжества, в 1897–1903 гг. российской стороной была проложена Китайско-Восточная железная дорога [Дудин 2020а: 141].

Следует упомянуть, что Н. Я. Коншин давал достаточное точное описание ее станций, что позволяет нам при осуществлении описываемого исследования ориентироваться на местности: «... за ст. Цицикар, именно не доезжая 5 вер[ст] до ст. Янтуньтунь, тянется 135 вер[ст], включая станции: Янтуньтунь, Сяходзы, Ламадьандзы, Сарту и Анда и еще далее 20 верст, — все время по землям княжества Дурбет Чжеримского сейма Монголии...» [Коншин 1907: 2].

Данные сведения крайне ценны, поскольку несколькими годами позднее, когда китайская колонизация примет необрати-

мые последствия, эти населенные пункты станут связующим звеном в «параллельной» ханьской администрации, а пока же, продолжает Н. Я. Коншин, «с северо-запада, севера и северо-востока это княжество соприкасается с землями Хейлунцзянской провинции, именно с Цицикарским фудунством, а на юго-востоке, юге и юго-западе оно прилегает к землям своего сейма, именно к княжествам Северному Горлоосу и Чжалайту. Границы княжества Дурбет до сих пор не нанесены точно ни на одну из существующих русских или иностранных карт. Между тем они вполне определенно обозначены, отчасти, искусственными знаками» [Коншин 1907: 3].

Не ограничиваясь этим, исследователь дает подробное описание приграничной полосы, на пространстве которой располагались и немногочисленные населенные пункты, завершая свое описание еще одной важной характеристикой хошунов железнодорожной полосы, так называемой Полосы отчуждения: «Княжество это представляется как бы в виде четырехугольника, стороны которого равны: западная — 120 вер[ст], северная — 115 вер., восточная — 122 пер. и южная — 180 вер[ст], т. е. княжество это занимает площадь земли, равную приблизительно 14 тыс. квадр. верст, причем линией ж[елезной] дороги она разделяется на две части: большую к югу от ж[елезной] д[ороги] и меньшую к сев[еру] от линии» [Коншин 1907: 5].

Установление института назначенного князя (дзасака) позволило Цинской империи решить ряд важных задач: во-первых, обеспечить управляемость новыми территориями без сопротивления местных элит и населения; во-вторых, минимизировать, а затем и вовсе свести на нет и власть аймачных ханов, и институт ханской власти, что в свою очередь поставило князей в еще большую зависимость от Пекина. Был придуман и реализован давний план дробления обширных владений наиболее влиятельных представителей родовой аристократии на более мелкие путем передела наследственных вотчин между сыновьями умиравших князей, и к описываемому нами периоду во Внутренней Монголии насчитывалось 24 аймака, в которых было 49 хошунов, во Внешней Монголии в 4 аймаках насчитывалось 86 хошунов [Рязановский 1931: 82].

Не мог обойти Н. Я. Коншин и фигуру собственно князя как личности, поскольку именно с личностью обычно публичная власть ассоциируется лучше всего: «В настоящее время во главе княжества Дурбет стоит князь Шираб-Лоопил, ведущий свое происхождение от брата Чингис-хана Хабу-Хасара. Он живет в своей ставке — д. Пейзефу, расположенной в 115 вер. к югу от ст. Цицикар, в 10 вер. к востоку от р. Нонни. Князь Шираб-Лоопил уже десять лет на княжеском престоле; ему теперь 57 лет от роду; он имеет двух жен, из которых первая его жена Дугима, происходящая из дворовых, — она дочь Отхон-мейрена — не принесла ему наследника, а на второй, Монгон-Сысык, дочери харачин-монгола Тахелту из кн[яжества] Сев. Горлос, он женился только два года тому назад, и она также еще бездетна. Если наследник не родится, то по смерти Шираб-Лоопила княжеская власть перейдет в очень отдаленное колено, т[ак] к[ак] ближайших родственников по мужской линии у князя нет. Сам по себе Шираб-Лоопил мало способный к управлению княжеством человек. Он сильно увлекается спиртными напитками и злоупотребляет опиумом, отчего часто болеет; под влиянием алкоголя иногда впадает в буйные припадки, во время которых от него достается всем приближенным. Все это, вредно влияя на здоровье князя, его способности и ум, — безвременно старит его, делает его апатичным к делам княжества, которыми он почти не интересуется» [Коншин 1907: 13].

Цинские власти придумали еще один прием, позволивший поставить монгольских князей в еще большую зависимость, сыграв на традиционной любви аристократов пышных титулов: было осуществлено разделение дзасаков на 6 степеней. Первая степень предполагала наивысший почет, содержание и на китайский манер именовалась «чин-ван». Следом за ней шла вторая степень, носитель которой носил титул «цзюу-ван». Третья степень, самая распространенная, значилась как «бейл» или «бейле». К четвертой степени относился титул «бейс», к пятой и шестой степени — монголизированные «туше-гун» и «тусалакчи-гун» [Дудин 2020а: 143]. Так, Н. Я. Коншин, описывая Дурбет, писал, что у местного князя была 4-я степень, таким образом обеспечивающая ему статус бейса [Коншин

1907: 14]. Хитрость крылась в том, что под каждым титулом предусматривалось изрядное, но различное по объему содержание, атрибуты и императорские подарки [Дудин 2020а: 143]. Как корреспондирующая часть любого блага, на дзасаков возлагалась обязанность ежегодно на новогодние торжества являться в Пекин и представлять перед императором.

3.2. *Институт хошунной администрации*

Следующим важнейшим институтом была княжеская, или хошунная, администрация. Ее специфика заключалась, во-первых, в том, что, согласно маньчжурским установлениям, состав администраций равнозначных князей оставался одинаковым, отступление в сторону некоторого увеличения численности штата допускалось для председателя сейма в связи с наличием у него дополнительных полномочий, требующих дополнительных усилий. Так функции коллективного органа управления, своего рода Совета хошуна, исполняла Тамга, в состав которой входили тусалакчи, захиракчи, цзалан и мейрэн¹, о которых речь пойдет ниже. Во-вторых, через формирование администрации определялись и верховные княжеские полномочия в пределах своего хошуна — именно дзасак назначал всех должностных лиц и смещал их по своему усмотрению. В-третьих, специфика сводилась к тому, что, несмотря на всю полноту власти, которую концентрировали в своих руках дзасаки, с начала XX в. они постепенно отходят от непосредственного управления своими землями, фактически передавая властные полномочия в руки администраций, превращаясь, по мнению Н. Я. Коншина, в «обыкновенный производ одного или двух наиболее оборотливых, деловитых или образованных чиновников» [Коншин 1907: 15].

Как и всякая система управления, хошунная администрация формировалась на принципах иерархичности и подчинения нижестоящих органов вышестоящим. Одними из главных должностей были тусалакчи. Не вдаваясь в подробности ведения хозяйственной деятельности даже на при-

¹ Также: *мэйрен*. У разных авторов встречается различное написание слова.

мере одного хошуна, отметим, что по своей сути это были ближайшие помощники князя по гражданским делам. В зависимости от особенностей хошуна их количество составляло от 1 до 3 человек. Н. Я. Коншин писал про нравы, бытующие в хошунах относительно назначения кого-либо из тайдзиев или неслуживых князей на позицию тусалакчи: «с одной стороны, с него можно всегда получить большую взятку за это назначение, а с другой стороны, тусалакчи часто приходится посылать по делам княжества в Пекин, следовательно, они должны быть в силах нести при этом неизбежные и очень значительные расходы» [Коншин 1907: 14]. Их обязанности были четко регламентированы и включали в себя управление административными делами княжества, совместно с князем участие в отправлении правосудия, отдельные военные вопросы (например, управление одним из княжеских войск, противостояние хунхузам) и т. п. По той же маньчжурской традиции с целью определения своего социального статуса тусалакчи имели на головном уборе красный шарик. В исследуемом нами княжестве Дурбет численный состав этих функционеров составлял 3 человека: «Даморанджаб из деревни Янтуньтунь, Белекту — из деревни Голын-Шибэ и Бинту — из деревни Лаха» [Коншин 1907: 15].

Далее хошунная иерархия предполагала должность цахиракчи (захиракчи) в качестве помощника по особым поручениям и княжеским распоряжениям. В. А. Рязановский утверждает, что «захиракчи был особым командующим чиновником по военным делам» [Рязановский 1931: 83]. В княжестве Дурбет захиракчи имел 2 помощников: *цзаланана* (старшего), *мейрэна* (младшего). Этот факт подтверждает значимость изучаемого нами княжества, поскольку тот же В. А. Рязановский писал, что в княжествах в составе менее 6 сомонов имелся лишь один помощник — мейрэн [Рязановский 1931: 83].

Низовые позиции хошунной администрации занимали:

1) хошу-мейрены (обычно 2 позиции, в Дурбете хошу-мейренами были выходец из местности Янтуньтунь Сокто и выходец из местности Цзун-сумэ Тумун Улзы), которые управляли каждый своей половиной багов, а отличительной особенностью их костюма был светло-синий шарик с хвостом;

2) тамага-мейрен (1 позиция, в Дурбете — Буян Жаргал), который заведовал княжеской печатью и чьей отличительной особенностью костюма был синий шарик на головном уборе;

3) тамага-цзаланана (1 позиция, в Дурбете — Чжиргасун) в качестве княжеского секретаря и составителя документов, чьей отличительной особенностью костюма был темно-синий шарик и хвостик на головном уборе [Коншин 1907: 15];

4) на местах порядок поддерживали 5 сомон-цзалананов и 7 улусных да-ноенов.

Не без интереса вникая в дела княжеского управления, Н. Я. Коншин указывал, что разнообразие должностей и административных позиций было лишь видимостью распределения полномочий и власти, тогда как на самом деле главенствующее положение занимал наиболее способный чиновник. В Дурбете таковым с 1906 г. был Тумун Улзы: «небольшого роста типичный монгол, сорока четырех лет от роду, с умными пронизательными глазами, человек бывалый, отлично осведомленный во всех делах своего княжества и, по-видимому, добросовестный» [Коншин 1907: 16].

3.3. Религиозные институты

Третьим важным институтом публичной власти на монгольских землях были религиозные учреждения. С давних времен роль многочисленных буддийских монастырей на развитие тех или иных пространств монгольского мира была крайне велика. Монастыри представляли собой не только религиозные учреждения, но и сосредоточие традиций, культуры, знаний и зачастую выступали и крупными торговыми центрами. Любопытные сведения о религиозных учреждениях и их деятелях на примере Чжеримского сейма дает известный русский военный путешественник М. Полумордвинов [Полумордвинов 1912]. Он указывает, что большинство хошунов имели в качестве высшего духовного иерарха *гэгэна*, статус и влияние которого на политические дела как внутри княжества, так и за его пределами могли существенно различаться. В исследуемом нами княжестве Дурбет *гэгэна* не было. Н. Я. Коншин дает ценные сведения как по численности монахов, так и по количеству монастырей:

1) 40 служителей в монастыре Арбан-Нютагын-сумэ;

- 2) 30 служителей в монастыре Баянта-ла-сумэ;
- 3) 30 служителей в монастыре Душин-Нютугын-сумэ;
- 4) 30 служителей монастыре Далан-сумэ;
- 5) 40 служителей в монастыре Нойон-сумэ;
- 6) 25 служителей в монастыре Улобар-сумэ;
- 7) 60 служителей в монастыре Хошу-сумэ [Дудин 2020а: 145] «и еще два монастыря с 40 монахами в каждом» [Коншин 1907: 17].

Вместе с тем он же отмечает, что наиболее авторитетными среди иерархов были проживавшие вблизи ставки дурбетского дзасака в кумирне Хошу-сумэ Ачжа-лама, Аха-лама и Ширетуй-лама [Коншин 1907: 17].

Здесь важным моментом являлась определенная зависимость численности и, соответственно, статуса монастырей от численности общего населения хошуна и, в частности, его мужского населения. Так для сравнения: Э. Л. Теслер в одном из номеров «Вестника Маньчжурии» на примере аймака Уцзумучин, разделенного на два хошуна, показывает, что число служителей культа доходило до 5 тыс. чел., при этом сами ламы принимали активное участие в управлении внутренними делами своих княжеств [Дудин 2020а: 145], поясняя это наличием «...обычая монголов отдавать в монастыри каждого 3-го сына. Весь этот район имеет до 28 сумэ — монастырей, крупнейшие из которых — Ламаин-суме, Нурэн-сумэ и Баин-хошу-сумэ. Население этих монастырей можно считать почти оседлым, так как ламы живут здесь постоянно. Поступая в монастырь с раннего возраста, монгол проводит в нем большую часть своей жизни» [Теслер 1934: 95].

3.4. Институционализация аймачно-сеймовой организации монгольских земель

Важным властным институтом, объединявшим княжества в более крупные формирования, позволявшие повышать эффективность управления, была аймаки и сеймы. Цинские власти изначально постановили, что хошуны объединялись в аймаки — более крупные территориальные образования.

Структуру институтов публичной власти по управлению более крупными территориальными образованиями следует рассмотреть на примере Внутренней Монголии. Так, 49 хошунов были объединены в 24 аймака: например, Байринский аймак делился на хошуны левого и правого крыла, Уратский аймак — на правое, среднее и левое крыло, а хошуны Дурбет и Чжалайт сами по себе были одновременно аймаками.

Внешняя Монголия, напротив, была менее сегментирована в силу определенных историко-политических особенностей, в связи с чем включала в себя 4 аймака — сейма, состоящих из 86 хошунов: Хан-олуский сейм включал Тушэту-Ханский аймак и 20 хошунов, Цэцэрликский сейм — Сайн-найон-Ханский аймак и 22 хошуна, Керулэн-Барас-хотоский сейм — Цэцэн-Ханский аймак и 23 хошуна, и Чжак-голун-эхи-Бидория-Норский сейм, включавший Чжасакту-Ханский сейм с 21 хошуном [Дудин 2020б: 459].

В. А. Рязановский указывает на территориальный состав и других монгольских земель. Так, пустынные пространства Алашани (так называемая Ситаоская Монголия) на северо-западе современного автономного района Внутренняя Монголия состояли из 6 аймаков и 32 хошунов: аймак Дурбетов в Чжунгарии имел 14 хошунов, аймак Хойтов имел 2 хошуна, аймак Торгутов имел 12 хошунов, аймак Хошутов имел 2 хошуна, а хошун Олетов за Ордосом и хошун Торгутов по Эцзинею сами имели статус аймаков [Рязановский 1931: 82].

Приграничные Илийская, Алтайская области и Кукунор (совр. провинция Цинхай) включали 5 аймаков и 29 хошунов: Торгутский аймак состоял из 4 хошунов, Хошутский аймак включал 21 хошун, Чоросский аймак — 2 хошуна, Хойтский аймак сам был хошуном, равно как и аймак Халха. К ним добавлялось одно знамя в Тибете в районе проживания цайдамских монголов. Наконец, Барга (Хулун-Буир) предполагала деление на Старую и Новую Баргу, 6 родов и 18 хошунов [Рязановский 1931: 82].

Важной особенностью центральных районов Чахара и Тумэта во Внутренней Монголии было отсутствие хошунно-аймачной организации, связанной с историческими событиями первых лет установления маньчжурами своей власти в регионе. Эти районы

подчинялись непосредственно Пекину. Так, Чахар включал 4 хошуна левого и 4 — правого крыла, бывшие Далиханские и Шандудабсинорские казенные пастбища, а Тумэт или бывший знаменный Чингисхановский аймак — Хух-Хотский левый и правый хошуны [Дудин 2020б: 460].

В свою очередь аймаки объединялись в 6 сеймов (Их-Чжу, Улан-Цаб, Чжерим, Чжосоту, Чжоуда, Шилин-Гол), являвшихся на начальном этапе маньчжурского господства своеобразными военными округами, а позднее приобретших статус высших органов управления. Сеймы управлялись посредством съездов, проходивших, как правило, раз в три года. Древняя традиция курултаев сохранила и здесь свой след: из среды наиболее статусных и влиятельных аристократов дзасаками выбирался председатель — *чигулгану-дарга*, после чего факт избрания должно было утвердить Ведомство (Палата) внешних сношений (Лифаньюань). В его полномочия входили надзорные функции за порядком на вверенной ему территории, состоянием аймаков, деятельностью князей и т. д. Чигулгану-дарга получал право обжаловать распоряжения маньчжурских властей в Лифаньюань, от лица сейма организовывал общий надзор за правосудием, вел учет населения. Одновременно с председателем избирался и его заместитель — *дэд-чигулгану-дарга*, и формировался высший административный орган со своим штатом и полномочиями — *ямунь*, или сеймовое управление.

В качестве примера функционирования сеймовых институтов Н. Я. Коншин приводит Чжеримский сейм, в ведении которого находились 4 аймака и 10 хошунов: аймаки-хошуны Чжалайт и Дурбет, Хорчинский аймак в состав которого входили хошуны Бинту-вана (левого крыла передний), Бо-вана (левого крыла тыльный), Дархан-вана (левого крыла средний), Чжасокту¹-вана правого крыла передний), Тушету-вана правого крыла средний) и Туше-гуна² (правого крыла тыльный), а также аймак Горлос, включавший Северный Горлос и Южный Горлос [Дудин 2020б: 458], главой которого был Цзаймутэз Му-

билай, председатель сейма, «проживающий в своей ставке, в 35 вер. к югу от г. Бодунэ» [Коншин 1907: 12] и, как указывает Н. Я. Коншин, являвшийся «лишь передатчиком сеймовым князьям распоряжений китайского правительства и судьей в делах общих нескольким хошунам или по жалобам жителей на своего князя. Кроме того, на его обязанности лежит доносить китайскому правительству о всех происшествиях в сейме, как например, появление хунхузов, проход иностранных войск и пр., о чем в свою очередь князья сейма должны доносить ему. За действительным же исполнением в княжествах сейма распоряжений правительства председатель сейма не наблюдает и за них не отвечает. Поэтому фактически председатель сейма никакой власти над княжеством Дурбет не имеет и лично сам вмешиваться в дела княжества, по собственной инициативе не может» [Коншин 1907: 12–13]. Забегая вперед, скажем, что это была уникальная личность, которой в 1930-е гг. предстоит сыграть важную роль в судьбе этой части монгольских земель, когда их займут японцы.

3.5. Китайская колонизация и ее последствия для монгольских земель

Немаловажное влияние на систему управления монгольскими землями и распределение власти имел институт китайской колонизации. Колонизация оказалась настолько существенной, что ее последствия оказалось возможным наблюдать по составленным Экономическим Бюро Китайско-Восточной железной дороги (далее — КВЖД) картам Монголии и Маньчжурии, о которых речь пойдет ниже. Юридически отправной точкой этого неоднозначного процесса, который в течение последующих 30 лет принесет немало бедствий как монгольскому, так и китайскому населению, следует считать декабрь 1901 г., когда «цзяньцзюнь Сабао представил трону доклад о необходимости и важности заселения железнодорожной полосы от Харбина до Хайлара» [Дудин 2020а: 148].

Доклад был утвержден высочайшим соизволением весной 1902 г., и незамедлительно начался другой процесс — отвод земель монгольских хошунов площадью 1 млн шан. В первую очередь под удар попали княжества Дурбет, Северный Горлос,

¹ Альтернативное написание: Чжасайту.

² Приводятся также варианты написания: Шэ-гун, Сэ-гун.

Чжалайт и Чжасайту (Хорчинский правого крыла передний хошун).

Исследуемое нами княжество Дурбет, несмотря на то, что оказалось в авангарде описываемых событий, на первоначальном этапе пострадало в незначительной степени, что подтверждал в своей работе Н. Я. Коншин, определяя его как «...наименее населенное из всех прочих княжеств Чжеримского сейма. В противоположность всем им, где недостаток коренного населения восполнен сильным притоком с юга колонистов китайцев и харачин-монгол, в кн[яжестве] Дурбет, как тех, так и других, еще почти нет. Однако в самом близком будущем с этой окраиной должен совершиться полный экономический переворот. Эти бесконечные поля еще на наших глазах наполнятся цветущими селами и деревнями так скоро, как единственно в целом мире способен один Китай их быстро образовывать. Колонизационная волна в своем естественном и неудержимом движении с густозаселенного юга к пустынному северу пробилась уже дорогу через все южные княжества, заняв там огромные площади земли, и обрушилась теперь на княжество Дурбет. Здесь все земли, лежащие к северу от жел. дороги, т. е. почти половина земель княжества, уже отмежованы китайским правительством, разбиты на тысячи участков и распроданы китайским колонистам. С весны этого года новоселы должны приступить к распашке полей и постройке фанз. <...> Несомненно, поэтому, что в скором времени, когда эти огромные площади пустопорожных монгольских земель, почти десять лет тщетно как бы взывавшим к нам: приди и возьми, обратятся в обильные земледельческими злаками нивы и покроются цветущими селами и городами, — коммерческое благосостояние этой части Кит. Вост. жел. дороги значительно подымется, так как явятся районы, которые будут ее питать, а экономическое и политическое положение самого края совершенно изменится» [Коншин 1907: 2–3].

Опять же, забегая вперед, отметим правдивость и достоверность сделанного прогноза. И здесь надо учитывать, что российская сторона рассматривала КВЖД как один из главных инструментов стратегического присутствия в регионе (присутствия в трактовке А. В. Михалева [Михалев 2019: 33]).

Н. Я. Коншин дает важные сведения относительно коренного населения княжества, насчитывавшего до 4 тыс. человек взрослых мужчин в возрасте от 18 до 45 лет без учета детей, стариков и женщин. Кроме того, «присутствовали харачинские монголы-переселенцы в количестве до 50 дворов и китайские колонисты в количестве до 40 дворов» [Коншин 1907: 9].

Коренное население стремительно нищало из-за падежа скота и княжеских трат при императорском дворе, высоких процентов по долгам перед китайскими торговцами и банкирами [Гурьев 1911: 78], хунхузозов и неурожайных лет. При сохранении традиционных форм скотоводства и непринятии земледельческой культуры оно существенно проигрывало китайским колонизаторам, переселявшимся на новые земли целыми семьями, обеспечившими себе таким образом контроль над торговлей и соляной добычей. Н. Я. Коншин пишет, что они «заняли удобные места для земледелия, в разных местах княжества, без особого труда превратили поля в пашни, быстро освоились с новыми местами и очень скоро разбогатели. Их поселения все без исключения отличаются зажиточностью, а постройки — фундаментальностью» [Коншин 1907: 9].

В итоге ситуация расколола общество на два лагеря, где во главе одного встал китайский цзяньцзюнь, вынужденный следовать указаниям из центра, а во главе другого лагеря — князя Дурбета и Северного Горлоса, слухи о сепаратистских настроениях которых дошли до столицы. Известный русский исследователь и чиновник торговых дел различных имперских ведомств А. П. Болобан описывает эти драматические события: «Основываясь на прежних указах, решительно запрещавших даже входить с представлениями о заселении китайцами Монголии, князя просили отмены последнего указа и выставляли на вид, что стеснение традиционного скотоводства монголов может повести к волнениям и открытому их сопротивлению» [Болобан 1909: 283–284]. В итоге ситуация грозила выйти из-под контроля: «Среди монголов образовалась даже сильная партия во главе с князем хошуна Чжасакту, стоявшая за переход в русское подданство. Но предложение парии в этом направлении было отклонено русским правительством, и монголам ничего не оста-

валось, как покориться настойчивым приказам из Пекина» [Болобан 1909: 284].

Понимая опасность открытого противостояния с монгольскими элитами, центральное правительство перешло к мерам убеждения, уговоров и прямых подкупов как самих князей, так и их ближайшего окружения. Обширный материал относительно этих событий содержится в русскоязычной литературе, издававшейся в то время в Харбине Экономическим бюро и другими подразделениями КВЖД. Так объемное издание 1922 г. «Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога» приводит любопытные сведения относительно того, как привлекаемые китайские чиновники поставили процесс взаимодействия с руководством хошунов на тот уровень, когда результат был всегда на стороне убеждавших. В качестве наглядного примера фигурировал некий Чжоу-мянь, состоявший в свое время на дипломатической службе у цзяньцзюня, отвечавший за взаимодействие с руководством КВЖД и имевший, очевидно, определенные навыки в переговорном процессе. Его заслуга заключалась в том, что ему удалось убедить монгольских князей в хороших условиях, предложенных им центральным правительством для продажи их земель, которые сводились как к выплате единовременной крупной денежной суммы, так и к установлению ежегодной ренты, что избавляло князя от рутинных забот и пополнении своих скудных сбережений теми или иными непопулярными налогами и податями. В результате князь Чжалайта сам был вынужден обратиться к ответственным должностным лицам в столице империи с просьбой о продаже части своих земель. По которым была проложена ветка на участке КВЖД Чингис-хан – Цицикар. Другие князья последовали его примеру, поскольку, потеряв сильного сторонника, уже не имели возможности противостоять натиску колонизаторов. В итоге по аймакам Дурбета и Горлоса, а также «через почти независимые владения княжества Маннай-гун» [Северная Маньчжурия 1922: 8] была проложена линия железной дороги.

В «Известиях Восточного института» в г. Владивостоке в выпуске 1 тома XXIII за 1907–1908 академический год доцентом права Восточного института, крупным экономистом Н. И. Кохановским была опубли-

кована переведенная им работа выдающегося немецкого исследователя, историка и социолога Отто Франке о земельных правоотношениях в Китае на излете империи Цин. Так, в работе содержится информация о том, что для более эффективного и оперативного управления колонизационными делами и дабы отделить государственный интерес от коммерческого, летом 1902 г. по указу императора учреждается акционерное общество с 50-процентной долей правительства в уставном капитале [Франке 1908: 52]. В ходе этих действий стало ясно, что прежняя лояльная политика маньчжурских властей в отношении монголов и гарантий неприкосновенности их земель закончила свое действие. С одной стороны, данные шаги объяснялись стратегическими соображениями обеспечения безопасности китайской границы, особенно, в российском направлении. С другой стороны, было совершенно очевидно, что это весьма прибыльный бизнес с практически безграничными на тот момент ресурсами [Франке 1908: 53], грамотное распоряжение которыми могло принести участникам подобных предприятий огромные деньги.

Отсутствие централизованного сопротивления и авторитетных лидеров среди монгольских элит, корыстолюбие и пагубные привычки в итоге заставили большинство князей Восточной Внутренней Монголии смириться со своей участью, а всем остальным показать, что сопротивление политике центральных властей не приносит сепаратистски настроенным элементам желаемого результата. В итоге почти сразу же солонь, жители Барги, вышли на руководство КВЖД с предложением купить у них весь бассейн р. Ял от Хингана до впадения р. Дессинхэ (около ст. Турчиха) [Исторический обзор 1923: 412].

Далее в соответствии с достигнутыми договоренностями между Обществом КВЖД и губернатором Хэйлуцзяна, для более оперативного решения вопросов о выделении земель Обществу КВЖД было позволено даже непосредственное взаимодействие с монгольскими и маньчжурскими князьями, представителями солонь и других племен [Исторический обзор 1923: 413–414]. Таким образом, процесс колонизации нашел в лице наших соотечественников еще одного сильного сторонника, располагавшего к тому же и значительными финан-

совыми ресурсами, что снимало определенную часть бремени с китайских властей.

3.6. Пространственная локализация и визуализация территориально-властной организации монгольских земель

Последствия колониационной политики центральной власти на излете существования империи можно увидеть на двух уникальных картах, подготовленных группой картографов под руководством бывшего первого военного министра в правительстве адмирала А. В. Колчака В. И. Сурина и изданных в 1925 г. в Харбине. Эти карты — своеобразный «посмертный снимок» уходящей эпохи монгольских княжеств: Внешняя Монголия на тот период времени уже не только объявила независимость, но и в 1924 г. сменила форму правления с монархической на республиканскую, что повлекло за собой как всю перестройку государственного аппарата, так и слом социальных отношений, упразднение княжеств и ликвидацию дзасаков как класса; во Внутренней Монголии, разделенной в 1914 г. на 3 особые района (Чахар, Суйюань и Жэхэ), в 1928 г. административно-территориальная реформа завершилась их преобразованием в китайские провинции с соответствующей ханьской администрацией, а Барга, хоть и попытавшаяся в 1912–1915 гг. добиться независимости и получившая промежуточный статус округа с особым статусом и под прямым президентским управлением, лишилась его в 1920 г., и ее судьба не предполагала возврата к традиционному хошунному укладу.

Первая карта, «Карта Монголии» [[Карта Монголии 1925](#)], демонстрирует хошунно-аймачно-сеймовое устройство большей части Внешней Монголии (за исключением части Чжасакту-Ханского аймака и части Кобдо на западе), почти всю Внутреннюю Монголию (за исключением небольших участков: на западе торгутских земель, на юге Алашани, на юге Ихчжуского сейма и некоторых восточных аймаков, которые перенесены на «Карту Маньчжурии», например, Южный Горлос (карта 1, карта 2)) и Баргу.

На второй карте, «Карте Маньчжурии» [[Карта Маньчжурии 1925](#)], имеется недостающая информация по восточным монгольским территориям, помимо этого

отчетливо показано административно-территориальное устройство района «Трех восточных провинций» и их уездная структура.

Карты изданы Коммерческой частью и Экономическим Бюро КВЖД, масштаб 40 верст в дюйме, что примерно соответствует масштабу 1:1 700 000. В названии карт указано, что они составлены по новейшим материалам и при участии М. П. Андриевского, Н. Ю. Станковича и А. М. Баранова.

Данные карты можно отнести к обзорным общегеографическим — на них подробно отображены государственные и административные границы, дорожная сеть (включая железные дороги), местоположение населенных пунктов, гидрографическая сеть и водные объекты. Присутствуют названия отображенных государств, административно-территориальных единиц, населенных пунктов, хребтов, гидрографических объектов, островов и заливов. Рельеф представлен в виде отмывки.

В ходе исследования проекцию карт определить не удалось. Визуально имеется схожесть с цилиндрической проекцией Меркатора или Гаусса-Крюгера. Долготы карт имеют начало отсчета от гринвичского меридиана, поэтому было принято решение использовать систему координат (СК) WGS 1984 Web Mercator при проведении пространственной привязки (перевода сканированного изображения карты в ГИС-формат). Дополнительным доводом для использования данной СК является то, что геопространственная база данных, собранная для выполнения исследования (тематические векторные и растровые слои, описывающие современную ситуацию в районе исследования — государственные границы, дорожную сеть, гидрографию, административное деление, населенные пункты, высоты и т. д.), хранится в географической СК WGS-84, имеющей тот же датум.

СК WGS 1984 Web Mercator используется во множестве картографических веб-сервисов (Google Maps, Яндекс Карты и т. д.), что является еще одним доводом для применения ее в качестве базовой — это позволит легко выводить полученные картографические данные для публикации в веб-среде.

Карты Монголии и Маньчжурии В. И. Сурина по своей сути являются единым картографическим произведением, по-

Карта 1. Часть Карты Монголии 1925 г.

[Map 1. Map of Mongolia. 1925. Part]

этому в ходе дальнейшей работы было принято решение об их сшивке (объединении в единое изображение) средствами программного комплекса EasyTrace 8.65. Работы по привязке и дальнейшей векторизации (переводе данных с карты в векторный формат) проводились в программном комплексе ArcGISPro 2.5. Для привязки были использованы узлы координатной сетки. Оригинал бумажной карты имеет тканевую основу, наличие значительных потертостей в местах сгиба привело к деформации изображения (смещении частей карты относительно друг друга) при сканировании, что повлияло на качество привязки. Вкупе с корректностью

самих карт это ограничило точность в пределах от 2 до 5 км.

Для оценки пространственных параметров институтов публичной власти на монгольских землях в исследуемый период и их визуализации в ГИС в качестве основной задачи стояла векторизация (оцифровка) «Карты Монголии». Тематическим содержанием карты являются административные границы монгольских княжеств (хошунов). В результате векторизации границ создано цифровое покрытие «Административное деление Монголии в 1925 г.». База данных покрытия включает 148 полигонов княжеств, содержащих следующие атрибуты: поряд-

Карта 2. Часть Карты Маньчжурии 1925 г.

[Map 2. Map of Manchuria. 1925. Part]

ковый номер полигона; название аймака в 1925 г.; название княжества в 1925 г.; старое название княжества, площадь (км²); протяженность границы (км). В качестве модельного полигона выбрана территория Барги (карта 3).

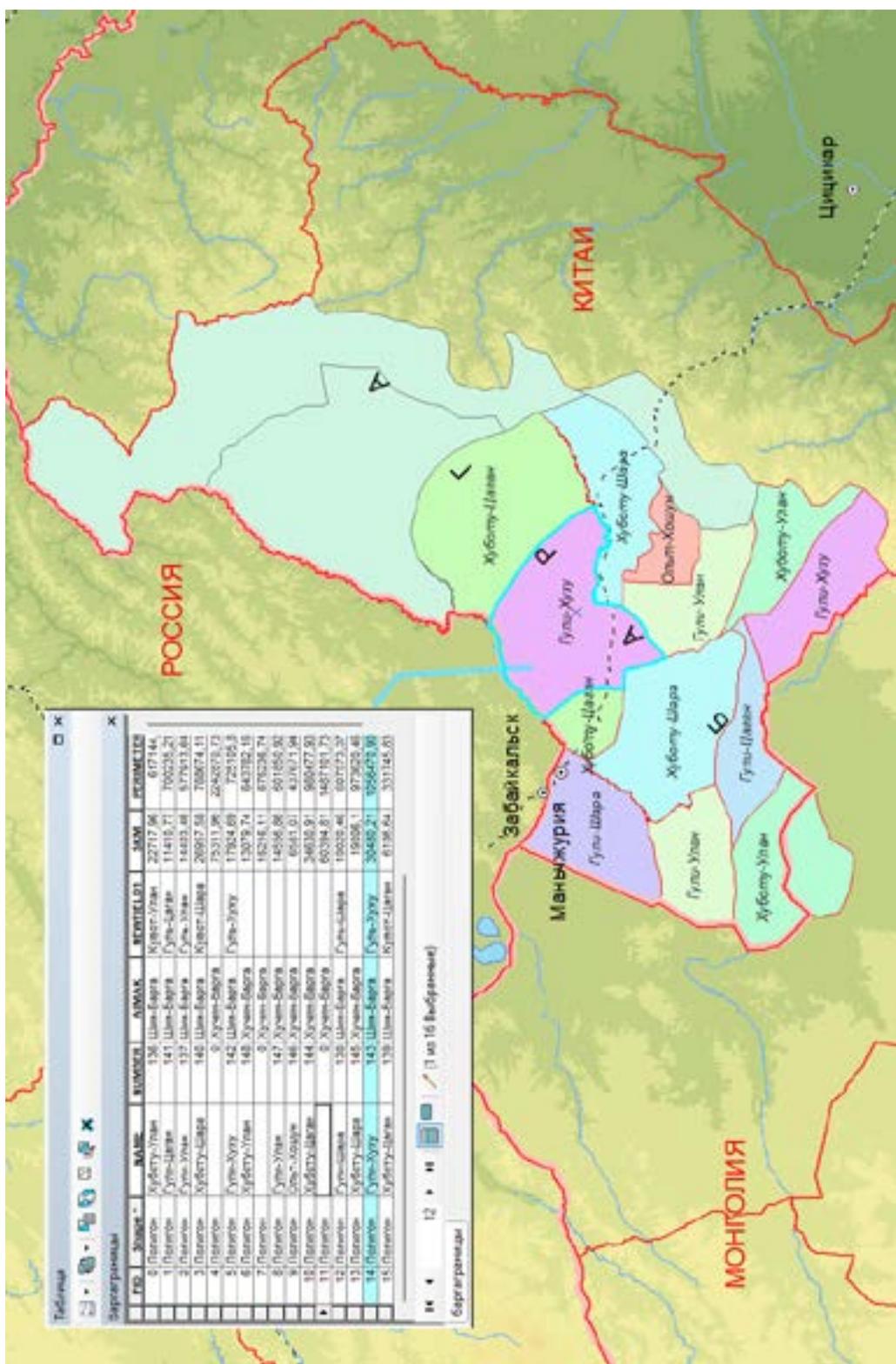
База данных является физическим хранилищем исторических административно-территориальных сведений. Пространственные данные границ полигонов концентрируются в виде геодезических координат. Это в свою очередь предоставляет исследователям возможность определения пространственных связей и топологических отношений между полигонами.

В результате были векторизованы границы хошунов (княжеств) в формате полигонального слоя с внесением атрибутивной (описательной) информации — название, принадлежность к определенному аймаку и/или сейму. Были рассчитаны площади. Во многих случаях границы хошунов приурочены к границам гидрографических объек-

тов или дорогам (в том числе железным дорогам). В таких случаях были использованы современные данные о положении указанных объектов.

4. Выводы

В ходе исследования институтов публичной власти на территории монгольских земель в первой четверти XX в. была изучена княжеская система управления, оказавшаяся достаточно эффективной и в условиях почти 280-летнего маньчжурского господства, и в период республики, чтобы сохранить основу своего функционирования. Немаловажную роль в этом сыграла хошунная администрация, состав и принципы деятельности которой также подверглись нашему исследованию, а также религиозные институты. Особое внимание было уделено территориальной организации обширного пространства Внешней и Внутренней Монголии, что было обусловлено их сложносоставностью. Будучи ключевым звеном

Карта 3. Векторизация пространства Барги
[Map 3. Barga. Space vectorization]

Карта 4. Наложение векторизованного участка Барги на современную карту

[Map 4. Barga. Vectorized area and present-day map]

территориальной организации публичной власти, хошун-княжество оказывался формально как бы на самом низовом уровне административной иерархии так называемого Внешнего Китая, хотя именно его глава, князь (дзасак) обладал в его пределах всей полнотой власти. Однако, как показывают материалы, вышестоящие институции в виде аймаков и сеймов создавались не для ограничения этой власти, а для повышения управляемости обширными пространствами, а их руководящий состав обладал ограниченным набором функций без права вмешательства во внутренние дела хошунов.

Понимание этой древней и сложной организации создало условия для визуализации пространства с использованием современных технологий и знаний представителей наук о Земле. В настоящее время

процесс не завершен, поэтому представленные в статье результаты носят предварительный и промежуточный характер, отражая и значительные сложности в работе. Так, в ходе векторизации обнаружены множественные существенные несоответствия пространственного положения гидрографических объектов, как линейных (реки), так и полигональных (озера), отображенных на карте и современных, загруженных в проект в векторном формате. Это может быть обусловлено, как погрешностями самой карты, так и естественными причинами — изменение русла, высыхание, что еще предстоит выяснять. Также работу осложняет несовпадение многих исторических и современных топонимов, что ставит задачу создания базы данных соответствия названий. Имеющиеся в распоряжении на-

учного коллектива источники позволяют прогнозировать способность решения и этой задачи. В дальнейшем планируется совмещение цифрового покрытия 1925 г. с современным территориально-административным делением и пространственный анализ трансформации административных единиц (карта 4).

Наконец, обнаружено исчезновение многих населенных пунктов, представлен-

ных на картах 1925 г., но отсутствующих на современной, что является темой дальнейших исследований, а также ряда княжеств, что крайне важно для изучения китайской колонизации монгольских земель. Например, не удалось обнаружить Маннай-гуна или Дурбета. При этом княжество Дурбет присутствует на карте И. Я. Коростовца [Карта Монголии 1914] (масштаб 1 : 3 360 000; размер листа: 64 x 89 см) (кар-

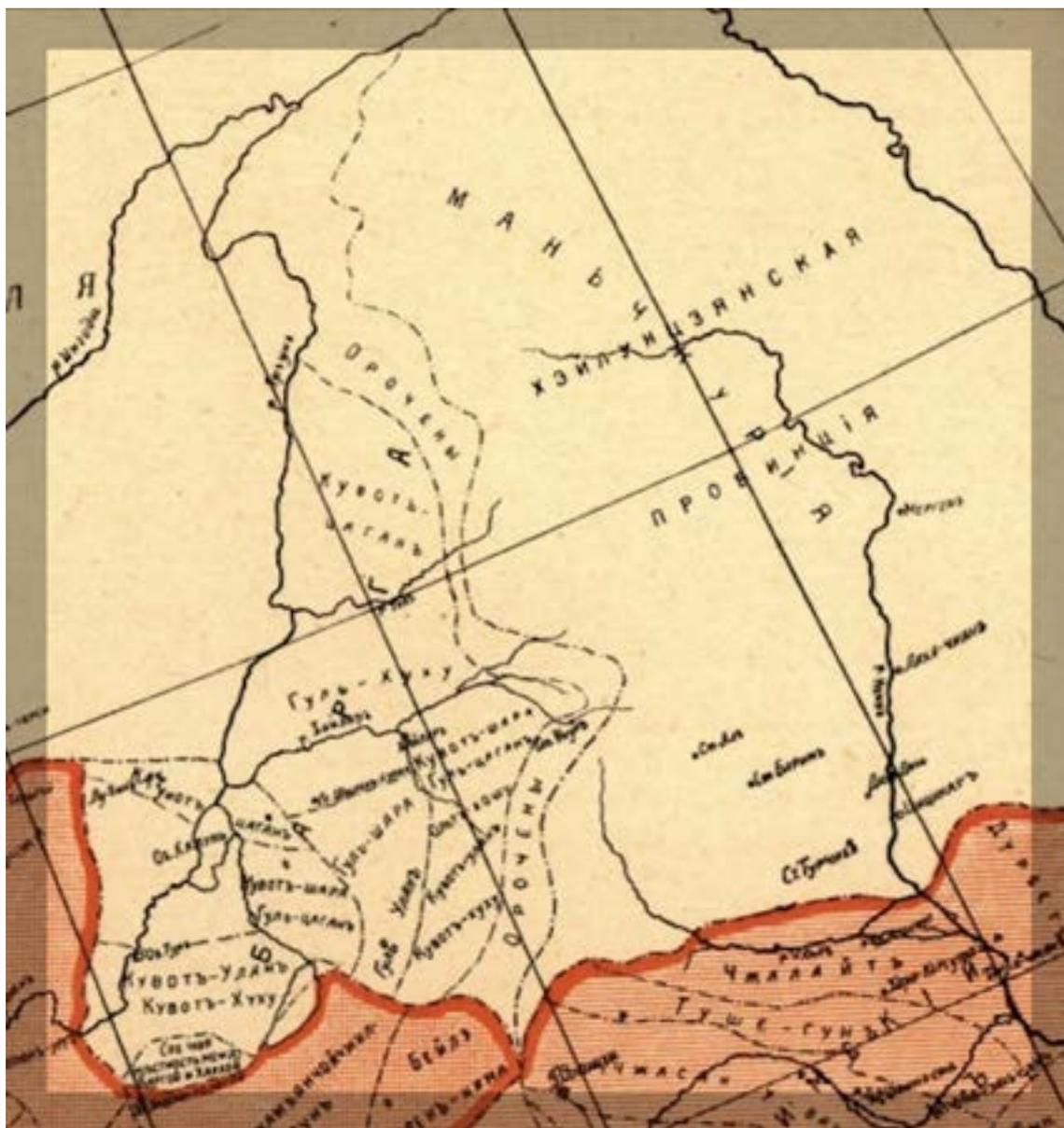
Карта 5. Княжество Дурбет (в правом нижнем углу) на карте И. Я. Коростовца 1914 г.

[Map 5. Durbet County (Dorbod Banner) on the map compiled by I. Korostovets (bottom right corner). 1914]

та 5), содержащейся в книге В. Л. Котвича [Котвич 1914], и ее репродукции — приложении к журналу «Знание для всех» [Монголия 1915] (карта 6).

Это дает повод более подробно подойти к процессу изучения преобразования Внутренней Монголии в 1914–1928 г. в китай-

ские провинции с созданием параллельного «ханьского» управленческого аппарата, что также найдет свое отражение и в ходе реализации проекта, и на страницах публикуемого научным коллективом материала по результатам исследования.

Карта 6. Княжество Дурбет (в правом нижнем углу) на карте журнала «Знание для всех» 1915 г.

[Map 6. Durbet County (Dorbod Banner) on the map published by *Znanie dlya vseh* (bottom right corner). 1915]

Источники

- Карта Монголии 1914 — Карта Монголии. Издание Картографического заведения А. Ильина в С.-Петербурге; сост. по данным бывшего уполномоченного в Монголии И. Я. Коростовца, при участии В. Л. Котвича, 1914. 1 л.
- Карта Маньчжурии 1925 — Карта Маньчжурии. Издана Коммерческой частью и Экономическим Бюро К.В.Ж.Д. под общим руков. В. И. Сурина; сост. по новейшим ма-

териалам М. П. Андриевский, Н. Ю. Станкович и Л. А. Блашкевич. Харбин: Типо-лито-цинкогр. Л. М. Абрамовича, 1925. 1 л. скл. из 4 л.

- Карта Монголии 1925 — Карта Монголии. Издана Коммерческой частью и Экономическим Бюро К.В.Ж.Д. под общим руков. В. И. Сурина; сост. по новейшим материалам М. П. Андриевский, Н. Ю. Станкович и Л. А. Блашкевич. Б.м.: Типо-лито-цинкогр. Л. М. Абрамович, 1925. 1 л. скл. из 4 л.

Sources

- Andrievsky M. P., Stankovich N. Yu., Blashkevich L. A. (comps.) Map of Manchuria [Based on Contemporary Data]. V. Surin (ed.). [Harbin:] L. Abramovich, 1925. 1 (4) p. (In Russ.)
- Andrievsky M. P., Stankovich N. Yu., Blashkev-

ich L. A. (comps.) Map of Mongolia [Based on Contemporary Data]. V. Surin (ed.). [Harbin:] L. Abramovich, 1925. 1 (4) p. (In Russ.)

- Korostovets I. Ya., Kotwicz W. L. (comps.) Map of Mongolia. St. Petersburg: Cartographic House of A. Ilyin, 1914. 1 p. (In Russ.)

Литература

- Бешенцев и др. 2022 — *Бешенцев А. Н., Дудин П. Н., Батомункуев В. С., Рыгзынов Т. Ш.* ГИС маньчжуро-монгольской территориальной социально-экономической системы для историко-географических и геополитических исследований // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2022. № 4(48). С. 79–86.
- Болобан 1909 — *Болобан А. П.* Земледелие и хлебо-промышленность Северной Маньчжурии. Харбин: Русско-Китайско-Монгольская типография газеты «Юань-дун-бао», 1909. 368 с.
- Дудин 2020а — *Дудин П. Н.* Государственность Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX вв.: дисс. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2020. Т. I. 340 с.
- Дудин 2020б — *Дудин П. Н.* Государственность Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX вв.: дисс. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2020. Т. II. 468 с.: + (Прил. ил.).
- Дудин 2020в — *Дудин П. Н.* Государственность Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX вв.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2020. 43 с.
- Гольденберг 1958 — *Гольденберг Л. А.* Русские картографические материалы как исторический источник и их классификация (по фондам центральных исторических архивов СССР): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1958. 18 с.
- Гурьев 1912 — *Гурьев Б.* Монголия и Китай и их политические взаимоотношения // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 21–40.

- Гурьев 1911 — *Гурьев Б.* Экономическое положение Монголии // Вестник Азии. 1911. № 8. С. 74–89.

- Монголия 1915 — Монголия // Знание для всех. 1915. № 6. С. 3–40.

- Исторический обзор 1923 — Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги: 1896–1923 г.г. Т. I / сост. Е. Х. Нилус. Харбин: Тип. КВЖД и Т-ва «Озо», 1923. XIX, 690 с.

- Коншин 1907 — *Коншин.* Княжество Дурбет. Харбин: Типо-лит. Штаба Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, 1907. 27 с.

- Котвич 1914 — *Котвич В. Л.* Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. СПб.: Картогр. заведения А. Ильина, 1914. 44 с., 4 л. ил.

- Медушевская 1957 — *Медушевская О. М.* Картографические источники XVII–XVIII вв.: Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М.: Московский гос. ист.-арх. ин-т, 1957. 28 с.

- Михалев 2019 — *Михалев А. В.* Политическое присутствие — генеалогия концепта // Мировая политика. 2019. № 2. С. 33–42.

- Полумордвинов 1912 — *Полумордвинов М.* Монастыри Чжеримского сейма сев.-восточ. Монголии // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 109–179.

- Рязановский 1931 — *Рязановский В. А.* Монгольское право (преимущественно обычное): Исторический очерк. Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева, 1931. 306, 42, II с.

- Северная Маньчжурия 1922 — Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная

- дорога. Харбин: Тип. КВЖД, 1922. XI, 692, XXIII с.
- Теслер 1934 — *Теслер Э. Л. Уцзумучин // Вестник Маньчжурии*. 1934. № 1. С. 95–101.
- References**
- Beshentsev A. N., Dudin P. N., Batomunkuev V. S., Rygzynov T. Sh. GIS of the Manchurian-Mongolian territorial socio-economic system for historical, geographical and geopolitical studies. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2022. No. 4(48). Pp. 79–86. (In Russ.)
- Boloban A. P. Crop Farming and Grain Production in North Manchuria. Harbin: Yuan Tong Bao, 1909. 368 p. (In Russ.)
- Dudin P. N. Statehood of Inner Mongolia: Late 19th to Mid-20th Centuries. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Ulan-Ude, 2020. 43 p. (In Russ.)
- Dudin P. N. Statehood of Inner Mongolia: Late 19th to Mid-20th Centuries. Dr. Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2020. Vol. 1. 340 p. (In Russ.)
- Dudin P. N. Statehood of Inner Mongolia: Late 19th to Mid-20th Centuries. Dr. Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2020. Vol. 2. 468 p. (In Russ.)
- Franke O. Land Relations in China. Vladivostok: Eastern Institute, 1908. 156 p. (In Russ.)
- Goldenberg L. A. Russian Cartographic Materials as Historical Sources and Their Classification: Analyzing Collections of Key Soviet Historical Archives. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Leningrad, 1958. 18 p. (In Russ.)
- Guryev B. Economic conditions in Mongolia. *Vestnik Azii*. 1911. No. 8. Pp. 74–89. (In Russ.)
- Guryev B. Mongolia-China political relations. *Vestnik Azii*. 1912. Nos. 11–12. Pp. 21–40. (In Russ.)
- Франке 1908 — *Франке О. Земельные правоотношения в Китае / пер. с нем. Владивосток: Типо-лит. при Вост. ин-те, 1908. 156 с.*
- Konshin. Durbet County. Harbin: Special Frontier Guard Corps (Trans-Amur District), 1907. 27 p. (In Russ.)
- Kotwicz W. L. The Past and Present Political Situation in Mongolia: A Brief Review. St. Petersburg: Cartographic House of A. Ilyin, 1914. 44 p. (In Russ.)
- Medushevskaya O. M. Cartographic Sources: 17th–18th Centuries. Coursebook. Moscow: Moscow State Institute of History and Archives, 1957. 28 p. (In Russ.)
- Mikhalev A. V. Political presence — genealogy of the concept. *World Politics*. 2019. No. 2. Pp. 33–42. (In Russ.)
- Mongolia. *Znanie dlya vsekh*. 1915. No. 6. Pp. 3–40. (In Russ.)
- Nilus E. Kh. (ed.) Chinese Eastern Railway, 1896–1923: A Historical Review. Vol. 1. Harbin: Ozo, 1923. XIX, 690 p. (In Russ.)
- North Manchuria and the Chinese Eastern Railway. Harbin: Chinese Eastern Railway, 1922. XI, 692, XXIII p. (In Russ.)
- Polumordvinov M. Monasteries of Jirem League, Northeastern Mongolia. *Vestnik Azii*. 1912. Nos. 11–12. Pp. 109–179. (In Russ.)
- Ryazanovsky V. A. Mongolian Law (Primarily Customary Law): A Historical Essay. Harbin: N. Chinarev, 1931. 306, 42, II p. (In Russ.)
- Tesler E. L. Üjümüchin. *Vestnik Man'chzhurii*. 1934. No. 1. Pp. 95–101. (In Russ.)

